

Помню всегдашний упрёк поэтам Кузбасса, мол, живём в индустриальном крае, а вы пишете о природе, о любви, берёзках и цветочках. Где стихи о героической профессии, о шахтёрах? И действительно, отчасти вопрос и упрёк были справедливы. Но всё это происходило, по-моему, потому, что настоящие поэты, а они всегда были в нашем крае, не могут писать о том, чего не знают, или, зная, — неправду. Это недоехавшему или проезжему поэту из Москвы можно было бросить что-нибудь “нетленное” типа: “Через четыре года // Здесь будет город-сад!” Или совсем надуманное, как про детей в песочнице (о шахтёрах): “Порой копаться в собственной душе // Мы забываем, роясь в антраците”. И пошли-поехали строчки письменно и песенно колесить по стране.

“Нравственность есть правда”, — сказал наш современник, сибиряк, имея в виду и то, что писатель, поэт должен отвечать за написанное.

В нашем шахтёрском крае появились и окрепли своим словом поэты-шахтёры: Дмитрий Клёстов, Николай Бацевич, Александр Курицын. Причастность к делу даёт им право говорить открыто, с выстраданным знанием, с гордостью и горечью о шахтёрском труде.

Знаю, Дмитрий Клёстов шёл именно к этим стихам далеко не прямым, торным путём.

И нужно было время, чтобы наметился основной вектор в его поэзии — шахтёрский. О чём бы ни писал поэт Дмитрий Клёстов, работая в шахте или выйдя на пенсию, рубя баньку или часовенку в тайге, он остаётся шахтёром, современником, рабочим человеком — закваска такая.

“Здесь золото рыли мятежные предки”. Вот тесный штрек, вот тяжеленная тачка. А концовка стихотворения высвечивает, как во мраке, горькую нашу историю:

Балда деревянная, цепи, колодки,
А всё остальное, как в нашей проходке.

А это уже наши дни, и опять они почему-то не слаще:

Камыш и осока, и бледный тальник,
Фабричные грязные стоки...
А я не волнуюсь, я как-то привык
К иронии жизни жестокой.

Разные ипостаси лирического героя Дмитрия, но тоже связанные с землёй, земные, насыщенные:

Я копаю колодец насущный
С недокучливой песней щегла.

И кто ему запретит сказать правду, выстраданную, как подземный стаж, но не только для пенсии.

Ущелье. Фабрика. И пруд.
Рудой грузённые составы.
И в шахту, словно в пасть удава,
Шахтёры медленно идут.

Все теперь наперебой цитируют: “Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда...” Но давайте не забывать, что стихи также растут из ощущения нужности труда — для продолжения рода, искренности молитвы, физической радости. И слава Богу, что поэту Дмитрию Клёстову из старинного сибирского города Гурьевска хватает мужества сказать своё крепкое слово.

Сергей ДОНБАЙ

ШАХТА “СЛЕПАЯ”

Она обижена судьбой:
Служить в сырой земле.
И обзывать её слепой
Позволено молве.

Она состарилась впотьмах
За много-много лет,
И не способна, как-никак,
Восславить божий свет.

Сиянье Млечного пути
И утренней зари
В ней имитируют, поди,
Скупые фонари.

Вечерний клёкот пустельги,
И ветер грозовой,
И благовоние тайги
Я привношу в забой.

За трудный опыт горняка,
За радость хлебных дней
Я канонадой взрывника
Отсалютую ей.

А за колониальный гнёт,
За много-много лет
Она единожды рванёт
На весь на белый свет.

НА СПЛАВЕ

Бурлит и клокочет таёжный поток,
Резвится и кружится в заводи вешней.
Я клоун, мальчишка, я просто игрок
В работе горячей, отчаянной, спешной.

Ослизлые брёвна — живые тела —
Вскипают и дыбятся в тесном заторе.
Азарт и бравада. Была не была —
Фатальная пуля в ружейном затворе.

Осечка, промашка, и жабам на дно
Утащат вериги — тяжёлые бродни.
В лесную деревню придёт кино,
И спирт настоящий придёт сегодня.

Девчат-скороспелок примчится гурьба
Из дальних и ближних таёжных заимок.
И первой любовью ошпарит судьба
В порочно-пристойном кругу вечеринок.

В брезентовом фраке, с багром на плече
Явлюсь я в деревню пред милые очи,
Наполненный удалью русских мужей,
И силой державы, и славой рабочей.

* * *

Обильные, размашистые выюги
Легли лебяжьим пухом в тополя.
Красивые, улыбчивые друзья
Из чёрных рамок смотрят на меня.

В эпоху знаменитых пятилеток
Из них по праву каждый знаменит.
Забой последний пройден, напоследок
Землёй и снегом ласково укрыт.

Мои друзья, как в раскомандировке,
Сошлись рабочей силой поиграть.
И наплевать друзьям на забастовки,
На власть блатную тоже начихать.

До лампочки и гибнущее втуне
Чахоточное чрево рудников.
Они сошлись, как будто накануне
Собрания былинных горняков.

САНИТАРНАЯ РУБКА

Санитарная рубка в тиши
Беззащитного бора,
Санитарная рубка — афёра
Низкопробной корявой души.

Мы нечаянно. Мы за чай
Корабельные сосенки пилим

Могутным оборотистым “Штилем”
Пряником в ненасытный Китай.

Наш кондовый, реликтовый лес
Оборотистый Ванька спровадит,
Сам на полном скаку переседет
В бронированный “Мерседес”.

Смажет Ваньку, как некую тлю,
Бронебойная пуля-голубка...
Чу! Идёт санитарная рубка
В милосердном тишайшем краю.

* * *

Я топором взмахну и крикну
(Мне дело это по зубам),
И годовые кольца кряжу
Пересечёт глубокий шрам.

Крепись, увесистая чурка,
Несокрушимый делай вид.
Трещит игривая печурка,
И банька русская дымит.

Окно обильно запотело,
Вдыхаю и не надышусь.
Задорно крякая, по телу
Я свежим веником пройдусь.

До одури, молодецкато,
Я исхлещу все мощи всласть,
Водой холодной из ушата
Я обольюсь, перекрестясь.

И тело розово обмякнет.
Иду на воздух, чуть дыша,
А стопку поднесут — и крикнет
Достойно русская душа.

БЛАГОВЕСТ

Синь морозная, воздух вольный.
Бездна чистая, как слеза.
Воздымается колокольня
В Салаирские небеса.

Седину свою запрокину
В переливчатый перезвон.
Вековечную боль-кручину
По-отцовски врачует он.

По холмам — разливанной негой,
По распадкам — блаженный шум.
Он посредник Земли и Неба
И моих застарелых дум.